

**ОБ АРУТЮНЯНЦЕ А. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ПОМПОЛИТ — ЯНЫШЕВОЙ К. С.**

АРУТЮНЯНЦ Арам Сергеевич, родился в 1897 в Тифлисе. Получил высшее образование. Проживал в Москве, работал редактором редакционного бюро Госплана СССР. С 1924 — женат на Клавдии Сергеевне Янышевой, в семье — дочь. 25 апреля 1936 — арестован по обвинению «в контрреволюционной террористической деятельности». 4 ноября 1936 — приговорен к ВМН и в тот же день расстрелян (захоронен на Донском кладбище).

ЯНЫШЕВА Клавдия Сергеевна. Получила высшее образование. В 1924 — вышла замуж за Арама Сергеевича Арутюнянца, в семье — дочь. Проживала с мужем в Москве, работала в учреждении. 3 декабря 1936 — после ареста и осуждения мужа выслана в Уфу на 5 лет. В конце января 1937 — обратилась с благодарностью и просьбой о помощи к Екатерине Павловне Пешковой.

<29 января 1937>

«Спасибо — большое спасибо, тов<арищ> Пешкова, за Ваш ответ на мое письмо.

Ваша справка — единственное, что я знаю сейчас о муже.

Тов<арищ> Пешкова, я завтра же переведу деньги на Ваше имя.

Я сейчас очень взволнована, чтобы писать Вам спокойно и связано, — Вы простите, но Вы первая, кто мне ответил, — Вы единственная связь с миром.

3 декабря меня выслали из Москвы — как социально чуждую — и я все дни реву — я не могу понять, за что я так сурово наказана, — безумно больно, когда не доверяют в самом дорогом, — я не могу примириться с этим. Я, — которой революция дала жизнь, — я, которая до последней капли крови предана партии, — я стала социально чуждой. — Как могло так случиться, тов<арищ> Пешкова, — безумно больно и бесконечно тяжело — еле сдерживаю себя, чтобы не стать на улице и не кричать — за что.

Мне надо искать работу, — а я подхожу к учреждению и сейчас же захватывает дыхание и я с ревом ухожу — так целые дни. Дома сдерживаюсь при дочурке, а с утра опять все то же — я не хочу и не могу быть социально чуждой. Как могло так случиться и за что.

Вот уже девять мес<яцев>, как арестован мой муж, девять месяцев я ждала его каждый день дома и просиживала все ночи, прислушиваясь к малейшему шороху, к малейшему шуму, — я все ждала его — я не знаю, за что арестован мой муж, — я не знаю, в чем его обвиняют, — я ничего не знаю, — я не понимаю. Вы знаете, товарищ Пешкова, как страшно не понимать. В жуткие минуты (после процесса), когда я не могла молчать, я написала т<оварищу> Сталину, — я написала ему, что мне страшно, и просила его помочь, — писала я и тов<арищу> Ежову. Я писала, что я знаю каждый шаг, каждую мысль моего мужа, я писала, что знаю смысл и сущность нашей жизни, для чего и зачем мы живем, и что я жизнью ручаюсь, что он до последней капли крови предан партии. Как я могла молчать, тов<арищ> Пешкова, когда мужа я знаю со студенческой скамьи, когда я прожила с ним 13 лет, когда мы были самые интимные, самые близкие товарищи, — как я могла молчать, когда с самым близким товарищем случилась беда, — и когда я знаю его, знаю лучше, чем себя, — как я могла молчать, ведь вместе пережиты годы жуткой травли, жуткого издевательства (последние годы его жутко травили), пережиты минуты страшного отчаяния, и я знаю человека в минуты горя, — когда вскрывается вся его сущность. И зная его, — как могла я не сказать, — что

он до последней капли крови предан партии, — что его жизнь сложилась так трагически путанно, и, как гражданка СССР, я обязана была все это сказать — я считала это своим долгом.

Вот сейчас я в Уфе, — за что не знаю, ни в Москве, ни здесь мне не сказали. О муже — Вы мне сообщили, где он, — какое большое спасибо за это я Вам шлю.

Тов<ариц> Пешкова, я могу Вам без конца писать, но я Вас прошу об одном, — скажите — напишите, что мне делать, скажите какими словами, скажите, чем и как я могу доказать свою правоту, скажите, как помочь мне моему мужу. Я отсюда несколько дней тому назад написала тов<арицу> Вышинскому, — написала то же что и Вам пишу, — ведь поймите, я не прошу, чтобы мне просто верили, я всех прошу только помочь разобраться в деле моего мужа и моем.

Тов<ариц> Пешкова, я Вас очень прошу — ответьте мне, — если даже ничем помочь не можете, — напишите. Какое страшное чувство, — когда я вдруг решу, что я не делаю того, что нужно, а что нужно, я не знаю. Я сейчас ничего не знаю — помогите мне.

К. Янышева

г<ород> Уфа, Пионерская, 65.

Клавдия Сергеевна Янышева.

Мой муж — Арутюнянц Арам Сергеевич»¹.

В марте 1937 — Клавдия Сергеевна Янышева вновь обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<10 марта 1937>

«Товарищ Пешкова

Большое спасибо за ответ. Скажите я могу еще переслать на Ваше имя деньги для мужа, и еще, — если он будет сослан, — Вы мне об этом напишете?

Товарищ Пешкова, — вот Вы пишете, что я ко всем уже обращалась, — и Вы мне не можете дать другого совета. Поймите, — трагичность моего положения, никто мне не отвечает. Ответили только из прокуратуры, — что в моем письме нет основания для пересмотра дела в порядке прокурорского надзора. Я и сама знаю, что нет. Я всем пишу наверное то же, что и Вам, — я ничего не знаю. Я ничего не понимаю. И получается — заколдованный круг. Я не знаю, за что я сослана, я не знаю, за что арестован мой муж, — а так как я не знаю, то и не могу жаловаться, — не могу ничего опровергать, не могу ничего доказать. Вы понимаете ужас и безвыходность моего положения. Я понимаю, что мне не могут, да и не должны верить, — но что мне делать. Как, какими словами сказать о том, что я даже представить, догадаться не могу, за что я так сурово наказана, — за что арестован мой муж. Как, какими словами — кому сказать, что мы в нашей жизни были без конца преданы партии, что другой жизни у нас нет и не может быть.

Кому и как сказать, тов<ариц> Пешкова.

Вы поймите, что одиннадцатый месяц я ничего не знаю о муже, — и четвертый — о себе. Поймите, что я живой человек, — нет это уже личное, а просто я гражданка СССР — и я хочу знать, если меня наказывают, — за что. И я ничего не знаю.

Вот на этих днях я написала особому совещанию при НКВД, написала прокурору — т<оварицу> Лурье, — который ответил мне, — писала, что я не только поступка, но что даже мысли не знаю, за которую можно было

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1621. С. 95-96. Автограф.

бы нас осудить. Я не знаю, ответят ли мне.

Товарищ Пешкова, — я знаю, что я бессовестно пользуюсь Вашей добротой, — что я даже злоупотребляю, но простите и поймите, что те несколько строк, которые я от Вас получаю, — это нить, которая связывает меня с жизнью.

К. Янышева.

г<ород> Уфа, Пионерская, 65.

Простите, но скажите, могу ли я через Вас написать т<оварищу> Сталину. Клавдия Сергеевна Янышева»².

В апреле 1937 — Клавдия Сергеевна Янышева благодарила за присланные деньги и умоляла о помощи.

<29 апреля 1937>

«Товарищ Пешкова

Деньги 145 рублей я получила. Ваш номер 13868 от 5/IV. Спасибо.

К. Янышева

Товарищ Пешкова, — мне никто не отвечает, — где мой муж, Арутюнянц Арам Сергеевич. Товарищ Пешкова, — может, Вы можете только написать мне, — жив он или нет. Больше ничего — только одно — жив или нет. Умоляю, — если можете, напишите, — почему мне прокурор Вышинский не отвечает. Может, мне еще куда-нибудь обратиться? Пусть, если нельзя, не пишут, ни приговор, ничего, — только одно, жив он или нет. Умоляю Вас, — если можете, — помогите мне узнать.

К. Янышева»³.

В мае 1937 — Клавдия Сергеевна Янышева сообщила Екатерине Павловне Пешковой новости о своем муже.

<8 мая 1937>

«Товарищ Пешкова.

Большое спасибо за внимание, за человеческое обращение. Мне из прокуратуры сообщили, что мой муж Арутюнянц Арам Сергеевич сослан в отдаленный лагерь. Я знаю, что он жив, — и я счастлива сейчас.

Товарищ Пешкова, я к Вам еще с просьбой, — как мне сделать, чтобы ссылку свою отбывать вместе с мужем, к кому мне надо обратиться.

Вы меня простите за беспокойство, но Вы мне отвечаете, — Вы единственная моя надежда. Вот мне написали, что мой муж сослан в лагерь, — Вы знаете, — что я писала всем о своем отношении к мужу. И сейчас, — мне бы только позволили отбывать ссылку с ним. Тов<арищ> Пешкова, к кому я должна обращаться и как бы быстрее это сделать, — у меня же дочурка, — нужно начинать как-то жить. А я — я как прокаженная хожу по улицам, — дома ли все реву. Так безумно тяжело, — когда не знаешь, за что.

К. Янышева.

г<ород> Уфа, Пионерская 65»⁴.

В июне 1937 — Клавдия Сергеевна Янышева вновь обратилась к Екатерине Павловне Пешковой.

<19 июня 1937>

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1621. С. 102. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1621. С. 113. Автограф.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1621. С. 114. Автограф.

«Товарищ Пешкова.

Я опять обращаюсь к Вам, — я опять ничего не понимаю и не знаю, что мне делать. — Научите.

В конце марта Вы мне написали, что мой муж снят с учета в Бутырск<ой> тюрьме, — я тогда же написала т<оварищу> Вышинскому, — я просила ответить, жив ли он или нет. Очень скоро я получила ответ, что мой муж сослан «в отдаленный лагерь», — и все. После этого я писала снова т<оварищу> Вышинскому, в Главное управление лагерей, 8 отделу ком<итета> Государствен<ной> безопасности, в Архивный отдел НКВД, — всех я спрашивала, — где он, за что наказан, на сколько сослан, и вот уже скоро два месяца, и мне никто не отвечает. Что делать мне дальше, — как найти мужа. Мучительное состояние — вокруг такое жуткое молчание.

Товарищ Пешкова, — может быть должен пройти определенный срок, после которого дают сведения, — но почему мне об этом не скажут, — может быть муж пишет на Москву, — но тогда я никогда тоже не найду его, — у нас родных в Москве нет, — а я ни с кем не переписываюсь из товарищей. — Может быть и это самое страшное, — может быть, его уже нет в живых, — и я этого никогда не узнаю.

Товарищ Пешкова, что мне делать. Самое страшное, — что я так устала, — устала от какой-то бессмыслицы, устала от этого страшного молчания. — Я его не понимаю, — не понимаю, потому что совсем просто было бы сказать мне, — что, когда и как я должна сделать, чтобы найти мужа. — Ведь здесь нет уже государственной тайны, здесь есть какой-то порядок, которого я не знаю — и о котором мне никто не говорит. Я этого не понимаю. Что мне делать, товарищ Пешкова. Я и здесь была у прокурора, была в НКВД, и здесь мне ничего не говорят.

Я Вас, тов<арищ> Пешкова прошу, очень прошу, напишите мне. У меня жуткое состояние, только не молчите, — если ничего не можете посоветовать, — напишите, что не можете, — только, только не молчите.

К. Янышева

г<ород> Уфа, Пионерская, 65.

Клавдия Сергеевна Янышева

Мой муж Арутюнянц Арам Сергеевич⁵.

В сентябре 1937 — заведующий юридическим отделом Помполита сообщил Клавдии Сергеевне Янышевой.

<3 сентября 1937>

«ЯНЫШЕВОЙ Клавдии Серг<еевне>.

В ответ на В<аше> обращение сообщаю, что получить справку о местонахождении В<ашего> мужа мы не имеем возможности. Попробуйте обратиться еще с запросом в Гл<авное> Упр<авление> Лагерей (Москва, ул<ица> Кирова, д<ом> 3), — указав, что по справке Прокуратуры он выслан в лагерь»⁶.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1621. С. 117. Автограф.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1621. С. 122. Автограф.